

Аттила Йожеф

Стихи

Перевод с венгерского Д. Самойлова

РАБОЧИЕ

Зубищами империй Капитала
разодран мир, сколоченный трудом.
Им Африки и Азии — все мало!
Летит село взъерошенным гнездом.
Течет слюна. И дышит желтой пастью
капитализм над горстью малых стран.
Обжорство и излишества! Напастью
ползет на нас продымленный туман.
Где, точно зуб, изъеденный и старый,
чернеет город — дымный бастион,
где цепь гудит и лопается тара,
ревет машина, охает кессон,
где воют трансформаторные сети
и грудь турбин сосут, ожесточась, —
тут мы живем! И женщины, и дети!
И агитатор сплачивает нас.

Тут мы живем. И наши нервы — бредень,
где прошлое, как рыба, бьет хвостом.
Цена труда, зарплата горсткой меди
звенит в кармане. Вот наш скудный дом.
Там хлеб в газете, где газетным слогом
свобода нам опять возвещена.
Клопов гоняем в логове убогом,
и два стакана фрепча нам цена.
Сюда идут товарищ и «лягавый»,
плетется пьяный, хлыщ идет в бордель;
и ночь, подобно женщине прыщавой
в сорочке рваной, валится в постель.
Так мы живем! Навалом, как поленья,
мы спим, храпим и мечемся во сне,
и плесень, подтушеванная тенью,
напоминает карту на стене.

Здесь те живут, кто классовой борьбою
крепили силу мускулов стальных.

О них поем мы судною трубою,
стоим за них и держимся за них!
И здесь, чтоб запустить конвейер века,
готовят мир, свободный от невзгод.
Здесь алою звездю Человека
рабочие украсят свой завод.

ДЕРЕВНЯ

Бурился кровель шиферных рядок
под предвечерним небом,
как-будто легкий стелется дымок
над теплым хлебом.
То тут, то там — надеждой голубой
метнулась струйка дыма,
потом на миг застыла над трубой
и вдруг — незрима.
Вечерний мрак акацию облек,
и рядом где-то
слетает вздох — воздушный мотылек —
с простертых веток.
Как мягкий куст, меня скрывает мгла.
Уже тиха округа.
Лишь лай летит с окраины села
на бархат луга.
...Вот зажигают лампы неспеша,
и свет из окон льется.
И пламя, как смятенная душа,
трепещет, рвется.
Но гаснет в окнах за огнем огонь,
и с лунной тенью длинной
протягивает мирную ладонь
мне куст жасмина.
И сумрак омывает кирпичи
и ластился повсюду.
Лягушки лупоглазые в ночи
напоминают Будду.
Качает пики дикого овса
шеренга боевая.
И к ночи возникают голоса
в пазах сарая.
...В нем тишина. И кажется — струна
поет над этой тишью.
Но, как ни слушай, только тишина
звенит чуть слышно.
И скоро начинаешь понимать,
что здесь, в округе,
одно лишь слово может прозвучать:
мечта о плуге.
С ней люди обращаются к дождям,
к ветрам, к земле и свету.
С ней, обращаясь к добрым временам,
пою я песню эту.

Она — как для ребенка доброта,
как для коня уздечка.
И суть ее серьезна и проста
и глубь — сердечна.
Прислушиваюсь к спящему селу,
и сны, мерца в небе,
качают вдруг уснувшую ветлу,
колеблют стебель.
Спят небеса, поля, ряды стогов,
и сапоги, и кнутовище.
И в этот час просветы меж стволов
просторней, чище.
Сомкнул немногословный хлебороб
усталые ресницы.
А я стою, как грусть его, суров.
Молчу. Не спится.

ЛИВЕНЬ

На небе разгулялись косари,
и ливень, как пшеница в дни покоса,
огромными снопами — посмотри! —
за рядом ряд, шурша, ложится косо.
И капли, как созревшее зерно,
стучат по крышам, сыплются в окно.

Там косы ли сверкают? Нет, штыки!
Там пули градом. Лавки на запорах.
И на бегу палят бунтовщики.
Огнем сверкают ружья. Дым и порох.
Земля бунтует, поднабравшись сил,
и озорная влага бьет из жил.

Мотор рокочет? Или ткет станок?
Снует челнок и нить течет живая,
и ткань ползет, легко ложась у ног,
измученную землю прикрывая.
Старуха осень зеркальце взяла.
Что в нем она увидеть нам дала?

ЛЕТОМ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Вот ножницы мелькают,
Газон стригут опять.
И тетка так зеваает,
что со спины видать.

Жужжит приемник. Осы
трепещут на стекле.